Изъ путешествія въ сѣверо-западный край.

I.

Исполняя данное обѣщаніе, рѣшаюсь сообщить вамъ, милостивый государь, краткія замѣтки о видѣнномъ мною во время поѣздки моей въ сѣверо-западный край. Но при этомъ считаю нужнымъ

оговориться, что я не имѣлъ времени и возможности наблюдать современную соціально-общественную жизнь края и руководился въ своей поѣздкѣ преимущественно историко-археологическими цѣлями. Поэтому мои замѣтки будутъ касаться преимущественно памятниковъ русской старины и источниковъ и пособій для мѣстной исторіи. Что же касается явленій современной соціально-общественной жизни края, то я ихъ буду касаться лишь на столько, на сколько сталкивался съ ними въ вагонѣ, дилижансѣ или на пароходѣ, въ гостинницахъ и при встрѣчахъ съ мѣстными дѣятелями.

20 іюля я выѣхалъ изъ Кіева по желѣзной дорогѣ черезъ Бахмачъ на Минскъ. До Бахмача спутниками моими по вагону были преимущественно богомольцы и гости, возвращавшіеся изъ Кіева съ торжества 900-лѣтія крещенія Руси. Рѣчь, естественно, вращалась около этого грандіознаго, небывалаго въ Кіевѣ торжества, но касалась не существа и внутренняго значенія праздника, а деталей церемоніи, что, впрочемъ,—и естественно въ легкомъ разговорѣ между случайными знакомцами. Но со станціи Бахмачъ составъ пассажировъ рѣзко измѣняется: вагоны биткомъ набиты были евреями, и только изрѣдка попадались въ числѣ пассажировъ мѣстные помѣщики съ польскою рѣчью, крестьяне-бѣлоруссы, сильно смахивающіе на сѣверно-русскихъ мужичковъ, военные разныхъ чиновъ и проч. Но всей этой пестротѣ вагоннаго населенія давали общій тонъ и колоритъ евреи уже по одной своей численности. Они безцеремонно располагались въ вагонахъ, какъ у себя дома, окруженные множествомъ чемодановъ, корзинъ и корзиночекъ, узловъ и узелковъ, и нерѣдко стѣсняли пассажировъ-христіанъ, со всѣми обрядами и открыто совершали свое утреннее моленіе, цѣлымъ кагаломъ вступались за безбилетныхъ единоплеменниковъ своихъ и всегда почти успѣвали отстоять какого нибудь желѣзно-дорожнаго зайца-еврея не только отъ двойнаго штрафа за проѣздъ безъ билета, но и вообще отъ платы. Прибавьте къ этому еврейскую нечистоплотность,—и вы будете имѣть хотя приблизительное представленіе общей картины вагонной жизни.

Я старался заводить разговоръ и съ евреями, и съ польскими помѣщиками, и съ бѣлорусскими крестьянами, но непремѣнно на русскомъ языкѣ. Выѣзжая изъ Кіева, я далъ себѣ слово не говорить и даже не понимать по польски, чтобы убѣдиться на опытѣ, можно ли съ однимъ русскимъ языкомъ объѣхать важнѣйшіе города сѣверо-западнаго края. Слово свое я сдержалъ, и мнѣ нигдѣ не приходилось измѣнить своей русской рѣчи. Евреи вездѣ могутъ говорить русскимъ

языкомъ, хотя и испорченнымъ, но все же такимъ, который можно понять русскому человѣку. Только одна молодая еврейка съ грудным ребенкомъ, ѣхавшая безъ желѣзнодорожнаго билета, никакъ не могла или не хотѣла понять кондуктора, хотѣвшаго ее высадить,—и такъ таки и доѣхала благополучно до мѣста своего назначенія. Одинъ польскій помѣщикъ игуменскаго уѣзда, вызванный мною на разговоръ, такъ хорошо говорилъ по русски, что сначала я не могъ опредѣлить, съ кѣмъ имѣю дѣло, съ русскимъ, или съ полякомъ. Впослѣдствіи уже онъ самъ сознался, что онъ—полякъ и что ему трудно было говорить по русски. О крестьянахъ бѣлоруссахъ нечего и говорить: ихъ рѣчь весьма близка къ московскому нарѣчію и вполнѣ понятна, равно какъ и они хорошо понимаютъ русскую рѣчь. Но уже за Минскомъ попался мнѣ интересный экземпляръ ополяченнаго бѣлорусса крестьянина, высадившагося на станціи Солы. Онъ первый началъ говорить со мною и нѣсколько разъ настойчиво заговаривалъ по польски; но, послѣ моего рѣшительнаго отказа вести и понимать польскую рѣчь,—онъ заговорилъ ломанымъ русскимъ языкомъ, хотя и не безъ нѣкоторыхъ затрудненій и усилій. На мое замѣчаніе, что, вѣроятно, онъ только католикъ, а не полякъ, крестьянинъ утверждалъ, что онъ и католикъ и полякъ вмѣстѣ. Но изъ дальнѣйшихъ моихъ разспросовъ выяснилось, что въ его селѣ или мѣстечкѣ есть и костелъ, и православная церковь, что крестьяне—на половину католики, на половину православные, и одни съ другими водятъ дружбу и родство. Несомнѣнно, они составляли когда то одно цѣлое и въ религіозномъ отношеніи и принадлежали къ православной церкви и русской народности. Еще дальше, уже въ ковенской губерніи, одинъ господинъ, если не русскій по происхожденію, то бывшій на русской государственной службѣ въ архангельской губерніи, сталъ было говорить со мною по польски, хотя отлично можетъ говорить и по-русски. Что же это значитъ? Уже ли и до сихъ поръ польскій языкъ служитъ въ сѣверо-западномъ краѣ для нѣкоторыхъ русскихъ чиновниковъ модным, единственно интеллигентнымъ языкомъ?

Почва земли въ минской губерніи—довольно скудная. Мѣстами попадаются кочки, трясины и болотины, вовсе непригодныя для хлѣбопашества и сѣнокосовъ; лѣсъ—чахлый. Отрадное явленіе представляетъ школа земледѣлія въ Марьиной Горѣ, имѣніи госпожи Маковой. Изъ этой школы, по слухамъ, выходятъ опытные управляющіе для большихъ имѣній; но простому народу эта школа едва ли приноситъ пользу. Крестьянскія хозяйства ведутся прежнимъ традиціоннымъ спо-

собомъ: рожь жнется, складывается въ «бабки» (по сѣверно-русски *суслоны*), затѣмъ складывается въ скирды, сушится на овинахъ и молотится на гумнахъ. Не видно нигдѣ каналовъ для осушенія болотистой почвы. Скудость ли мѣстной почвы, или же наступавшее время жатвы были причиною того, что разговоръ спутниковъ чаще всего касался урожая. Помѣщикъ игуменскаго уѣзда, услышавъ отъ меня, что на югѣ Россіи ожидается въ настоящемъ году богатый урожай, видимо не радъ былъ этому извѣстію, такъ какъ богатый урожай въ другихъ мѣстахъ Россіи долженъ былъ понизить цѣны на мѣстный хлѣбъ и слѣдовательно уменьшить доходы помѣщиковъ. За то крестьяне и даже евреи съ удовольствіемъ встрѣчали извѣстіе о хорошемъ урожаѣ на югѣ Россіи: имъ дешевле приходилось бы прикупать и покупать хлѣбъ для собственнаго пропитанія. Скудость же почвы служитъ причиною переселеній крестьянъ изъ сѣверо-западнаго края въ Сибирь и въ Америку. Одинъ еврей спрашивалъ меня, какой городъ ближе, Томскъ, или Иркутскъ, и сообщалъ мнѣ, что десятки тысячъ крестьянъ изъ черниговской и даже екатеринославской губерній переселяются на жительство на Амуръ. Полякъ-крестьянинъ передавалъ мнѣ, что изъ виленской губерніи «шматъ» народу переселилось въ Америку и еще столько же народу собирается переселиться туда. Въ Америкѣ-де золото лежитъ на землѣ, и некому его подбирать. Лѣса тамъ—громадные, а деревья такія толстыя, что каждое изъ нихъ можно объѣзжать кругомъ на конѣ, и ихъ никто не рубитъ. Въ Америкѣ-де живетъ все черный народъ, и американецъ хочетъ развести у себя нашъ бѣлый народъ, пригодный и привыкшій къ работѣ.

Къ скудости почвы въ Бѣлоруссіи въ настоящемъ году присоединились еще градобитія и ливни. 21 іюля, на послѣдней станціи передъ Минскомъ (Михановичи) насъ застигла буря съ градомъ и ливнемъ, надѣлавшая много бѣдъ какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ. Въ Минскѣ въ эту бурю залило водою одно подвальное жилье, въ которомъ потонула на печкѣ старая еврейка съ двумя малолѣтними еврейскими дѣтьми, и перебило множество стеколъ, такъ что въ одномъ казенномъ зданіи ихъ перебито было на 40 руб. сереб. Впослѣдствіи я узналъ, что почти въ тотъ же день такая же буря разразилась надъ Варшавой, Ковно и другими городами. На другой день, 22 іюля вечеромъ, въ Минскѣ былъ сильный ливень, но уже безъ граду. Проѣзжая далѣе отъ Минска къ Вильнѣ, я могъ даже изъ вагона видѣть побитыя бурею и склонившіяся къ землѣ нивы.

Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ градъ совершенно вымолотилъ зерна изъ колосьевъ несжатой ржи.

Самый Минскъ мнѣ пришлось обозрѣвать въ промежуткѣ между градовою тучею и ливнемъ. Поэтому городъ показался мнѣ довольно пасмурнымъ, хотя, говорятъ, онъ довольно красивъ по наружности. По количеству жителей (около 75,000), это—первый послѣ Вильны городъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Книжныхъ магазиновъ и лавокъ насчитывается до 8-ми; но изъ нихъ одна только содержится полькой Савицкой, а остальныя—евреями. Лучшею изъ нихъ считается книжная лавка Городенскаго, доставляющая книги и изданія для мѣстныхъ учебныхъ заведеній. Фотографій—четыре, и изъ нихъ двѣ содержатся католиками, а остальныя—евреями. Главная дѣятельность по изученію губерніи сосредоточена въ губернскомъ статистическомъ комитетѣ, который съ 1860-хъ годовъ ежегодно выпускаетъ по «Памятной книжкѣ» и издалъ два тома «Трудовъ минскаго губернскаго статистическаго комитета». При статистическомъ комитетѣ находится выставка издѣлій кустарной промышленности и фабричнаго производства въ минской губерніи и порядочный музейчикъ первобытныхъ древностей. Такихъ музейчиковъ я не встрѣчалъ при другихъ губернскихъ статистическихъ комитетахъ сѣверо-западнаго края. Между каменными, бронзовыми и золотыми издѣліями, полученными изъ курганныхъ раскопокъ, въ музейчикѣ обращаютъ на себя преимущественное вниманіе позументная подвѣска особой формы и греческая амфора изъ красной глины. Музейчикъ этотъ основанъ, впрочемъ, усиліями частнаго лица, польскаго помѣщика игуменскаго уѣзда Татура, который, изучая и собирая памятники мѣстной старины, ничего однако же не пишетъ по русски и помѣщаетъ свои изслѣдованія на польскомъ языкѣ въ заграничныхъ польскихъ изданіяхъ. Со слѣдами его дѣятельности мнѣ не разъ случалось встрѣчаться и въ другихъ мѣстностяхъ сѣверо-западнаго края. Г. Татуръ осматриваетъ семинарскія и монастырскія библіотеки въ краѣ и за рѣдкія въ библіографическомъ отношеніи польскія изданія предлагаетъ въ обмѣнъ другія изданія или же денежное вознагражденіе. Неизвѣстно, усѣлъ ли онъ въ другихъ мѣстахъ; но въ минской и могилевской духовныхъ семинаріяхъ его предложенія не были приняты.

Кромѣ изданій статистическаго комитета, нѣкоторыя свѣдѣнія о минской губерніи заключаются въ историческомъ описаніи минской епархіи архимандрита Николая, 1860-хъ годовъ, въ описаніи борисовскаго уѣзда, въ «Минскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и въ кален-

дарнхъ, издаваемыхъ «Минскимъ Листкомъ». Но этими изданіями далеко не исчерпанъ весь историческій матеріалъ, заключающійся въ соединенномъ архивѣ упраздненныхъ уѣздныхъ судовъ, въ архивѣ губернскаго нравленія и въ консисторскомъ архивѣ. Въ послѣднемъ дѣла начинаются собственно со времени учрежденія минской епархіи въ 1793 году; но въ немъ есть болѣе ранніе, старые архивы консисторій жировицкой и полоцкой.

Пріобрѣвъ мѣстныя изданія, какія только можно было достать въ Минскѣ, я постарался осмотрѣть его достопримѣчательности и монументальные памятники и съ этою цѣлью былъ въ минскомъ Петропавловскомъ соборѣ, въ Святодуховскомъ мужскомъ монастырѣ, въ Вознесенскомъ женскомъ монастырѣ, въ архіерейскомъ минскомъ домѣ, въ минской Екатерининской церкви и въ минской духовной семинаріи и ея библіотекѣ. Руководителемъ моимъ былъ ректоръ минской семинаріи протоіерей А. Конскій.

Минскій Петропавловскій соборъ представляетъ изъ себя сравнительно недавнюю постройку. Но при входѣ въ него въ стѣну вдѣлана каменная плита съ надписью, въ которой архимандритъ Николай нашелъ указаніе на 1000-й годъ, какъ годъ основанія первоначальнаго минскаго собора. Въ дѣйствительности же эта надпись—XVI или XVII вв., написанная виршами и представляющая надгробіе надъ какой то Анной бурмистровой; никакого упоминанія о 1000-мъ годѣ здѣсь нѣтъ. Въ самомъ соборѣ, на колоннѣ, съ лѣвой стороны отъ входа, помѣщается древній образъ Богоматери съ Богомладенцемъ. Руки Богоматери и Богомладенца покрыты слюдою; остальныя части тѣла, кромѣ ликовъ, закрыты серебряною ризою. По словамъ архимандрита Николая въ его «Историческомъ описаніи минской епархіи», икона эта принадлежитъ къ числу написанныхъ евангелистомъ Лукою и принесена изъ Херсонеса св. равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ. Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что это—одна изъ древнѣйшихъ и наилучше сохранившихся иконъ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ [1]). По преданію, такою же древностію отличаются иконы Богоматери смоленская и виленская Троицкая. Къ сожалѣнію, обѣ онѣ подправлены въ позднѣйшее время: смоленская—въ XVII вѣкѣ, а виленская Троицкая уже въ 1864 году. Въ алтарѣ и въ риз-

[1]) Преосвященный минскій Варлаамъ, доставившій мнѣ возможность и средства къ обозрѣнію минскихъ храмовъ, обѣщалъ полное свое содѣйствіе къ изданію гравированнаго снимка съ этой иконы. *Примѣч. автора.*

ницѣ собора—все новое. Можно отмѣтить въ алтарѣ икону распятія съ предстоящими Богоматерью, Іоанномъ Богословомъ, Маріею Магдалиною и Логгиномъ сотникомъ, фряжскихъ писемъ конца XVI вѣка. При выходѣ изъ собора, на помостѣ церковномъ, я замѣтилъ каменную надгробную плиту съ какими то надписями, которую слѣдовало бы прибрать къ мѣсту и разобрать.

Свято-Духовскій мужскій монастырь и Вознесенскій женскій—оба недавней постройки и не имѣютъ почти ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ старинной иконы Богородицы вѣка XVII въ женскомъ Вознесенскомъ монастырѣ. Но за то въ Свято-Духовскомъ монастырѣ есть древности, собственно ему не принадлежащія и перенесенныя сюда изъ слуцкаго Троицкаго монастыря. Въ самомъ храмѣ, съ правой стороны, на аналоѣ, помѣщаются три крестика. Изъ нихъ одинъ серебряный, прекрасной работы, можетъ быть отнесенъ къ XV вѣку, другой—къ XVI или XVII, а на третьемъ обозначенъ 1759 годъ. Въ ризницѣ монастыря хранятся слѣдующіе предметы, перенесенные изъ Слуцка: 1) мѣдный тазъ XV—XVI вв., съ готическими латинскими надписями, впрочемъ не хронологическаго содержанія; 2) серебряный позолоченный крестъ, пожертвованный въ 1580 году княземъ Юрьемъ Юрьевичемъ Олельковичемъ; 3) евангеліе въ серебряномъ окладѣ, съ изображеніями на лицевой сторонѣ распятія, четырехъ евангелистовъ и 12 апостоловъ съ орудіями страданій Спасителя. По краямъ досокъ оклада вырѣзана надпись, изъ которой видно, что евангеліе писано было власною рукою князя Юрія Юрьевича Олельковича въ 1582 году и пожертвовано имъ въ слуцкій Троицкій монастырь въ 1584 году. Но въ дѣйствительности рукописнаго евангелія не сохранилось: оно замѣнено печатнымъ евангеліемъ временъ императора Павла, 4) Евангеліе московской печати 1644 года, въ серебряномъ окладѣ, коштомъ и накладомъ справленное, данное и наданное кіевскому Кирилловскому монастырю игуменомъ его іеромонахомъ Варлаамомъ Андреевичемъ Сколыбой; 5) евангеліе московской печати 1657 года, въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ; 6) чеканное на бляхѣ изображеніе XVII вѣка; 7) массивная серебряная дарохранительница; 8) малая серебряная дарохранительница; 9) большая серебряная позолоченная чаша (потиръ); 10) эпитрахиль съ вышитыми на ней изображеніями святыхъ, XVII вѣка, и двѣ фелони; 11) поясъ съ серебряными позолоченными изображеніями, 1756 года, архимандрита Давида Нащинскаго, бывшаго нѣкоторое время ректоромъ кіевской академіи; 12) зеркало «року 1783 новембра 3 дня».

Вверху его, между стеклами, вставлено пракрасно вышитое изображеніе св. Николая. Вообще въ ризницѣ монастыря есть прекрасные обращики мѣстныхъ художественныхъ произведеній съ XV по XVIII в.

Въ архіерейскомъ минскомъ домѣ можно отмѣтить портреты преосвященныхъ: 1) Іосифа Сѣмашко въ двоякомъ видѣ, одинъ въ уніатскомъ, а другой въ православномъ костюмѣ; 2) Михаила Голубовскаго и 3) Антонія Зубко.

Въ минской Екатерининской приходской церкви хранятся: рукописный пергаменный октоихъ и чаша 1630 годовъ.

Минская семинарская библіотека составлена изъ разныхъ библіотекъ уніатскихъ монастырей и учебныхъ заведеній, но мѣстныхъ уніатскихъ изданій заключаетъ въ себѣ гораздо менѣе, чѣмъ библіотека волынской семинаріи. Въ первой мы нашли довольно рѣдкую брошюру, изданную въ Минскѣ въ 1792 г., подъ заглавіемъ: «Teodozyusz Rostocki, Arcybiskup Kijowski». Есть здѣсь и рукописный отдѣлъ, заключающій въ себѣ до 28 №№ рукописей. Болѣе интересными изъ нихъ намъ показались слѣдующія: 1) Переписка патріарха цареградскаго Іереміи съ тюбингенскими учеными, въ копіи съ печатнаго лейпцигскаго изданія 1758 г.; 2) Житіе Григорія Омиритскаго, XVI в.; 3) Максима Грека бесѣды на евангеліе; 4) Повѣсть объ Александрѣ Македонскомъ и хронографъ XVI вѣка, южно русскаго письма, безъ конца; 5) «Соборникъ» словъ на господскіе и богородичные праздники, XVII в., южно-русскаго письма, и 6) Diarium alumnatûs pontificii Vilnensis, съ 1743 г., въ двухъ томахъ.

II.

Изъ Минска мнѣ привелось ѣхать до Вильны съ компаніей богомольцевъ, изъ мѣстнаго минскаго русскаго мѣщанства и мелкаго чиновничества, отличавшеюся беззавѣтною веселостію.

Въ Вильну прибылъ я ночью съ 23 на 24 іюля, съ субботы на воскресенье, и, пользуясь утреннимъ воскреснымъ богослуженіемъ, старался какъ можно болѣе посѣтить виленскихъ православныхъ церквей и польско-католическихъ костеловъ. Былъ я въ Остробрамской часовнѣ, въ Терезинскомъ костелѣ, въ Свентъянскомъ и каѳедральномъ костелахъ, въ православныхъ Святодуховскомъ и Троицкомъ монастыряхъ, Пречистенскомъ соборѣ и Николаевской церкви, чтобы наглядно видѣть отношеніе польско-католическаго населенія Вильны къ русскому православному населенію. Результаты наблюденія оказались не совсѣмъ утѣшительными для русскаго чувства. Костелы вездѣ

переполнены были молящимися, тогда какъ въ православныхъ церквахъ молящіеся едва занимали половину храма. Въ русскихъ храмахъ вездѣ заведены пѣвческіе хоры; но не мѣшало бы завести общенародное пѣніе, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ церковныхъ пѣсней. Въ Терезинскомъ костелѣ мнѣ привелось слышать общенародное, подъ звукъ органа, пѣніе гимна Богородицѣ. Торжественность такого пѣнія не можетъ идти въ сравненіе ни съ какимъ вокальнымъ хоромъ.

Во взаимныхъ отношеніяхъ между поляками и русскими посторонній и случайный наблюдатель едва ли замѣтитъ что либо особенное, кромѣ нѣкоторой холодности и отчужденности. Но, по разсказамъ старожиловъ, въ прежнее время отношенія эти были гораздо острѣе.

Кстати здѣсь можно передать исторію одной «русской поганки», интересную для характеристики отношеній между поляками-католиками и русскими православными. 33 года тому назадъ одна русская женщина, прибывшая въ петроковскую губернію съ солдатами, родила тамъ дочь и затѣмъ оставила ее на произволъ судьбы у одного бѣднаго польскаго крестьянина. Ксендзъ не хотѣлъ ее крестить по католически, опасаясь отвѣтственности, а русскаго священника вблизи не было. Дѣвочка такъ и оставалась некрещеною до 16-лѣтняго возраста и, вмѣсто имени, получила прозвище «русской поганки». А въ качествѣ «русской поганки», она занимала собачій уголъ и питалась чуть ли не собачьей пищею. Это было заброшенное, забитое, неразвитое существо. Но лѣтъ 17-ть тому назадъ въ Ченстоховѣ построена была православная Кирилло-Меѳодіевская церковь и открытъ православный приходъ. Почтенный настоятель и приходской священникъ этой церкви, приводя въ извѣстность составъ и количество своихъ прихожанъ, узналъ стороною, что въ одной гминѣ есть какая то некрещеная «русская поганка», и потребовалъ ее къ себѣ оффиціальнымъ путемъ для совершенія надъ ней крещенія. Вслѣдствіе этого требованія, крестьянинъ-полякъ привезъ дѣвочку къ русскому священнику и покинулъ ее у него. Дѣлать нечего: священнику пришлось не только крестить «русскую поганку», но и содержать у себя, перевоспитывать и пріучать къ честному труду. Теперь ей уже 33 года, и въ ней никакъ нельзя узнать прежней забитой «русской поганки». Честь и слава русскому священнику, явившемуся истиннымъ спасителемъ бѣднаго русскаго ребенка!

Осмотрѣвъ нѣкоторые изъ виленскихъ храмовъ и костеловъ и важнѣйшія ихъ достопримѣчательности, я хотѣлъ было пріобрѣсть у мѣстныхъ фотографовъ нѣсколько фотографическихъ видовъ и сним-

ковъ съ виленскихъ достопримѣчательностей. Къ сожалѣнію, виленскія православныя достопримѣчательности не пользуются вниманіемъ здѣшнихъ фотографовъ, между которыми нѣтъ ни одного русскаго. Былъ одинъ только фотографъ Чеховичъ, который, по своей раздражительности, не имѣлъ терпѣнія снимать фотографіи съ живыхъ людей и потому преимущественно снималъ виды и снимки съ монументальныхъ памятниковъ, не пренебрегая и русскими; но и этотъ фотографъ въ настоящемъ году умеръ.

Изъ виленскихъ книжныхъ магазиновъ и лавокъ лучшими считуются Сыркина, Кинкулькина и Стракуна; но и у нихъ я не могъ найти даже «Виленскаго календаря» на 1887 годъ.

Впрочемъ, книги и изданія, касающіяся Вильны и для меня интересныя, мнѣ удалось получить изъ первоисточниковъ. Высокопреосвященный литовскій Алексій и попечитель виленскаго учебнаго округа Н. А. Сергіевскій приняли меня очень любезно и не только дали возможность осмотрѣть мнѣ находящіяся въ ихъ вѣдѣніи достопримѣчательности Вильны, но и снабдили меня книгами и изданіями. Виленской археографической коммиссіей и виленскимъ учебнымъ округомъ доселѣ издано свыше 40 томовъ. Изъ нихъ для первоначальнаго ознакомленія съ виленскими достопримѣчательностями особенно важны указатель музея, каталогъ публичной библіотеки и описаніе рукописей той же библіотеки. Есть путеводители по Вильнѣ—польскій Киркора и русскій Ф. Добрянскаго, къ которымъ нужно присовокупить также вышедшій въ этомъ году второй выпускъ «Путеводителя по Россіи» Р. С. Попова. Получилъ я также изданія виленскаго статистическаго комитета отъ секретаря его г. Шверубовича.

Отсылая интересующихся Вильною къ путеводителямъ по ней, сдѣлаю только нѣсколько замѣтокъ о видѣнномъ мною въ Вильнѣ. Въ виленскомъ православномъ Николаевскомъ соборѣ я обратилъ особенное вниманіе на шитую плащаницу съ греческими надписями, относимую нѣкоторыми къ XI столѣтію. По моему же мнѣнію, она сдѣлана никакъ не раньше XVI вѣка. Въ Троицкомъ монастырѣ икона Одигитріи, какъ я уже замѣтилъ выше, поновлена въ 1864 г. Изъ древностей въ этомъ монастырѣ почти ничего не осталось: надписи на плитахъ—сравнительно позднія. Но достопочтенный настоятель Троицкаго монастыря архимандритъ Іосифъ указалъ мнѣ одинъ надгробный камень съ надписью, недавно найденный имъ въ помостѣ передъ крыльцомъ зданія православной семинаріи. На немъ я предположительно прочелъ слѣдующее: «князь П(етръ) Ивановичъ

Пеструцкій». Надпись можетъ быть отнесена къ XVI или къ началу XVII вѣка. Въ библіотекѣ литовской духовной семинаріи, помѣщающейся въ Троицкомъ монастырѣ, нѣсколько витринъ заполнено старинными рукописями и печатными изданіями. Есть здѣсь первопечатныя Минеи и Часословъ краковскаго изданія 1491 года, а между рукописями заслуживаетъ вниманія рукописное евангеліе XVI вѣка, съ двумя записями князей Полубенскихъ о раздѣлѣ ихъ имущества, относящимися къ 1604 и 1690 годамъ.

Въ архіерейскомъ домѣ при Николаевскомъ соборѣ находится галлерея портретовъ мѣстныхъ дѣятелей духовнаго сана, составленная покойнымъ литовскимъ митрополитомъ Іосифомъ Симашкомъ. Здѣсь находятся портреты: *митрополитовъ*: 1) Іосифа Солтана, 2) Ипатія Поцѣя; 3) Іосифа Рутскаго; 4) Льва Кишки; 5) Флоріана Гребницкаго; 6) Аѳанасія Шептицкаго; 7) Фелиціана Володковича; 8) Іасона Смогоржевскаго; 9) Ѳеодосія Ростоцкаго; 10) Григорія Кохановича; 11) Ираклія Лисовскаго; 12) Іосафата Булгака; *архіепископовъ*: 13) Іосафата Кунцевича; 14) Мелетія Смотрицкаго; *епископовъ*: 15) Кирилла Терлецкаго; 16) Сильвестра Рудницкаго; 17) Стефана Левинскаго; 18) Антонія Ангелловича, архіепископа львовскаго; 19) Іакова Мартусевича; 20) Адріана Головни; *православныхъ*: 21) Іосифа Сѣмашка; 22) Василія Лужинскаго; *викаріевъ виленскихъ*: 23—27) Платона, Игнатія, Антонія, Михаила и Евсевія; *архимандритовъ, ректоровъ литовской семинаріи:* 28—31) Филарета, Александра, Михаила Шелепина, Антонія Булгака; 32) *протопресвитера* Антонія Тупальскаго, и 33) *протоіерея* Виктора Гомолицкаго. Большая часть ихъ представляетъ изъ себя копіи съ древнѣйшихъ оригиналовъ, хранящихся будто бы въ г. Холмѣ, люблинской губерніи. Къ нимъ нужно присоединить еще портретъ какого то Сапѣги, находящійся въ тринопольскомъ загородномъ архіерейскомъ домѣ.

Было бы непростительно для путешественника быть въ Вильнѣ и не посѣтить здѣшнихъ центральнаго архива, публичной библіотеки и музея древностей. Несмотря на каникулярное время, я посѣтилъ эти учрежденія, благодаря любезности завѣдывающихъ ими лицъ и особенно г. Сингко. Конечно, въ центральномъ архивѣ я не могъ заниматься, по крайней ограниченности времени, какимъ я могъ располагать; но съ публичною библіотекою и музеемъ древностей успѣлъ ознакомиться, хотя и бѣглымъ образомъ. Эти два учрежденія—единственныя въ своемъ родѣ во всемъ сѣверо-западномъ краѣ, прекрасно устроены и содержатся въ отличномъ порядкѣ. Въ библіо-

текѣ числится до 70,000 названій книгъ и свыше 100,000 томовъ; рукописей насчитывается свыше 1,000 номеровъ. Въ читальной залѣ библіотеки, въ витринахъ, выставлены древнія рукописи и наиболѣе рѣдкія и интересныя старопечатныя изданія. Между рукописями отмѣтимъ: туровское евангеліе XI в., отрывки изъ Супрасльской рукописи и недавно поступившую изъ Супрасльскаго монастыря пергаменную рукопись св. Григорія Бесѣдовника, XIV вѣка. Въ числѣ старопечатныхъ книгъ выложены почти всѣ первопечатныя книги мѣстныхъ типографій сѣверо-западнаго края: виленской, евейской, заблудовской, кутеинской и др., начиная съ апостола виленской печати 1525 года, и находится единственный доселѣ сохранившійся отрывокъ изъ книги о новомъ календарѣ, напечатанной въ Римѣ въ 1596 году. Музей древностей главнымъ образомъ наполненъ первобытными древностями изъ коллекцій графа Тышкевича; но такъ какъ не указаны ихъ мѣстонахожденія и условія находки, то древности эти не имѣютъ почти никакого научнаго значенія. Затѣмъ, сравнительною величиною отличается коллекція монетъ разнаго рода; но собственно литовскихъ монетъ—только три! Изъ отдѣльныхъ предметовъ музея болѣе интересными, для изученія края, мнѣ показались слѣдующіе: нѣсколько статуетокъ, принимаемыхъ за идоловъ литовскихъ и славянскихъ; коллекція кирпичей изъ древнихъ построекъ; образцы голосниковъ изъ остатковъ гродненской коложанской церкви XII в.; бронзовый кувшинъ въ формѣ всадника, вѣроятно служившій умывальникомъ въ той же церкви и найденный подъ ея поломъ; колоколъ съ надписью 1320 года, изъ Троицкаго костела въ селѣ Неводницѣ, гродненской губерніи, бѣлостокскаго уѣзда, указывающій на существованіе здѣсь, въ началѣ XIV вѣка, Троицкой православной церкви, и проч.

Вообще въ Вильнѣ есть чему поучиться заѣзжему путешественнику. Несмотря на то, что въ городѣ нѣтъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, мѣстная русская интеллигенція много работаетъ для исторіи города и края и успѣла сдѣлать многое, такъ что мнѣ лично привелось больше собирать мѣстныя изданія по исторіи города и края, чѣмъ самому непосредственно изучать ихъ. Многоуважаемый попечитель округа Н. А. Сергіевскій, руководя непосредственно изданіями виленской археографической коммиссіи и учебнаго округа, въ то же время оказываетъ покровительство и поддержку и предпріятіямъ частныхъ лицъ по изученію края. Такъ напр., имъ оказано пособіе автору и издателю книжки объ «Островоротной

иконѣ Богородицы» и поощряется составленіе предпринятой преподавателемъ виленскаго реальнаго училища Брянцевымъ Исторіи Литвы. Инспекторъ литовской духовной семинаріи І. В. Щербицкій въ настоящее время приготовляетъ для напечатанія въ изданіяхъ виленской археографической коммиссіи извлеченія изъ рукописей жировицкаго духовнаго училища, между которыми, по словамъ г. Щербицкаго, наиболѣе заслуживаютъ вниманія визитаціи уніатскихъ монастырей и церквей и переписка нѣкоторыхъ видныхъ уніатовъ между собою.

Есть въ Вильнѣ еще одинъ почтенный и безкорыстный дѣятель по разработкѣ мѣстной исторіи, это—преподаватель первой виленской мужской гимназіи, художникъ В. В. Грязновъ. Онъ на свои небогатыя средства дѣлаетъ поѣздки въ разныя мѣста сѣверо-западнаго края, разыскиваетъ древніе памятники русской народности и православія и дѣлаетъ съ нихъ акварельные виды и снимки. Услугами его частію уже воспользовался П. Н. Батюшковъ въ своихъ «Памятникахъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ». Кромѣ того, нѣкоторые его снимки съ мѣстно чтимыхъ иконъ изданы въ «Виленскомъ календарѣ на 1887 годъ». Но за всѣмъ тѣмъ, въ портфелѣ В. В. Грязнова накопилось еще значительное количество акварелей съ древнихъ памятниковъ русской народности и православія въ краѣ, которыя слѣдовало бы издать, но не въ Вильнѣ, гдѣ собственно нѣтъ и техническихъ средствъ къ художественному воспроизведенію этихъ акварелей. Изъ портфеля многоуважаемаго В. В. Грязнова мы отмѣтили для себя, какъ болѣе интересныя, слѣдующія акварели: 1) Новогрудская церковь будто бы временъ Ярослава I и остатки Новогрудскаго замка; 2) разрѣзъ развалинъ Коложанской гродненской церкви XII в., 3) бронзовый кувшинъ-умывальникъ изъ той же церкви; 4) Трокскій замокъ въ большомъ и маломъ видѣ. Говоритъ, что въ этомъ замкѣ сохранились остатки фресокъ, между которыми уцѣлѣло изображеніе суда Соломона по спору о младенцѣ между двумя женщинами; 5) Супрасльскій Благовѣщенскій соборъ 1503 года; 6) Михайловская церковь въ с. Сынковичахъ слонимскаго уѣзда гродненской губерніи въ готическомъ стилѣ. Она нѣсколько напоминаетъ собою церковь въ м. Коднѣ, сѣдлецкой губерніи; 7) иконы Богородицы: минская Остробрамская, виленская, Троицкая, жировицкая, супрасльская и Коложанская; 8) заставки и инціалы изъ древнихъ рукописей, преимущественно пергаменныхъ.

Въ Вильнѣ я былъ два раза: съ 24 по 27 іюля, и съ 31 іюля по 1-е августа—всего около 6-ти сутокъ. **Н. Петровъ.**

(*Продолженіе слѣдуетъ*)

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Изъ путешествія въ сѣверо-западный край [1].)

III.

27 іюля ночью я прибылъ въ Гродно и весь слѣдующій день употребилъ на осмотръ города и его достопримѣчательностей. Спутникомъ и руководителемъ моимъ былъ мѣстный протоіерей Опоцкій.

Свѣдѣнія о Гродно и гродненской губерніи можно находить: въ Атласѣ Брауна 1576—1581 гг., гдѣ изданъ старинный планъ г. Гродна; въ Specimen ecclesiae Ruthenicae извѣстнаго уніатскаго писателя Игнатія Кульчинскаго, въ «Историко-статистическомъ описаніи гродненской губерніи» Бобровскаго, С.-Петербургъ, 1863 г.; въ «Памятныхъ книжкахъ гродненской губерніи» и въ изданіяхъ виленской археографической коммиссіи.

Судя по Вильнѣ, я думалъ, что чѣмъ дальше отъ нея на западъ, тѣмъ больше край ополяченъ. Но, къ удивленію и удовольствію моему, гродненская губернія оказалась гораздо менѣе ополяченною, чѣмъ виленская. Сельское населеніе гродненской губерніи по преимуществу бѣлорусское. Въ самомъ Гродно изъ 40,000 жителей евреевъ насчитывается до 28,000, православныхъ до 5,600 и около того же числа христіанъ другихъ исповѣданій; тогда какъ въ Вильнѣ изъ 96,000 населенія почти половина католиковъ. Въ XVI и XVII вв. въ Гродно насчитывалось до 5-ти православныхъ храмовъ; но изъ нихъ уцѣлѣли до настоящаго времени только развалины древнѣйшаго храма на Коложѣ, на берегу Нѣмана, тогда какъ теперешніе православные храмы—Софійскій соборъ, Александровская военная церковь и монастыри мужскій Борисоглѣбскій и женскій Рождественскій по-

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1888 г., № 2 февраль.

мѣщаются въ зданіяхъ упраздненныхъ католическихъ и базиліанскихъ монастырей и костеловъ.

Самую замѣчательную древность и, можно сказать, святыню Гродна составляютъ остатки древней Борисоглѣбской церкви на Коложѣ, на углу, при впаденіи Городенки въ Нѣманъ. Это—несомнѣнно одинъ изъ древнѣйшихъ храмовъ въ западной Россіи, относящихся къ великокняжеской эпохѣ, и представлялъ изъ себя одну изъ самыхъ крайнихъ твердынь и оплотовъ православія и русской народности въ западной Россіи, а потому заслуживаетъ полнаго вниманія и сохраненія на будущее время. Изъ Гродно видна уже сосѣдняя сувалкская губернія, считающаяся польскою, хотя по картамъ въ Geographia Blaviana второй половины XVII вѣка западная граница великаго княжества литовскаго захватывала собою Сувалки и Ломжу. Въ настоящее время отъ Борисоглѣбской церкви на Коложѣ уцѣлѣли: среднее и сѣверо-восточное алтарныя полукружія, вся длина сѣверной стѣны и часть западной, двѣ колонны внутри храма и полъ изъ квадратныхъ тесаныхъ камней. Юго-восточное же алтарное полукружіе, южная стѣна и часть западной рухнули въ Нѣманъ вмѣстѣ съ обвалившимся кускомъ берега. Это случилось въ 40-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Въ Вильнѣ я слышалъ слѣдующій разсказъ о причинѣ обвала берега и разрушенія церкви. По лѣвую сторону Нѣмана, немного повыше развалинъ Коложанской церкви, и доселѣ находятся бани, содержимыя однимъ евреемъ. Бани эти постоянно подмывало быстрымъ теченіемъ Нѣмана. Тогда еврей, содержатель бань, укрѣпилъ лѣвый берегъ Нѣмана, около бань, фашинникомъ и земляною насыпью, образовавъ противъ бань нѣчто въ родѣ полуострова. Вслѣдствіе этого теченіе Нѣмана направилось на правый берегъ и было причиною подмыва его и разрушенія коложанской церкви. Въ настоящее время она имѣетъ 28 аршинъ ширины и 16 аршинъ уцѣлѣвшей высоты, со включеніемъ и уцѣлѣвшихъ позднѣйшихъ надстроекъ. Древнія части храма сложены изъ квадратныхъ красной глины кирпичей и такой же толщины цемента. Снаружи стѣнъ вдѣланы, между кирпичами, обтесанные и отшлифованные большіе камни сѣраго и краснаго гранита и большіе и малые кресты изъ ценины или изразцевъ зеленаго и желтаго цвѣта. Такія украшенія даютъ понять, что наружныя стѣны церкви не предполагалось оштукатуривать. Внутри церкви сѣверная и часть уцѣлѣвшей западной стѣны усѣяны выходящими во внутрь церкви горлышками голосниковъ (продольныхъ глиняныхъ кувшиновъ), вдѣланныхъ поперегъ стѣны. Изъ

алтаря вверхъ по стѣнѣ идетъ каменная лѣстница съ колоннами, прерывающаяся на половинѣ высоты сѣверной стѣны, къ тому мѣсту, гдѣ, повидимому, были хоры. Можетъ быть, эта лѣстница вела на хоры, а можетъ быть выходила и наружу черезъ дверь на хорахъ, заложенную позднѣйшимъ кирпичемъ. На сѣверной и западной стѣнахъ по древней штукатуркѣ видѣнъ только желтоватый фонъ, и нѣтъ никакихъ слѣдовъ древней фресковой живописи. Была ли эта живопись въ алтарѣ,—неизвѣстно, такъ какъ изъ алтаря устроена въ 1873 году часовня во имя св. Бориса и Глѣба, внутри оштукатуренная.

По разрушеніи Коложанскаго храма, Борисоглѣбскій монастырь переведенъ былъ въ 1854 году съ Коложи въ зданія заштатнаго католическаго монастыря бернардинокъ, гдѣ находится и доселѣ. Изъ достопримѣчательностей монастыря обращаетъ на себя вниманіе древняя коложанская икона Богоматери, хорошо сохранившаяся, со слѣдами поновленія ея лика въ XVII вѣкѣ. Въ монастырѣ хранится также инвентарь Коложанскаго монастыря, составленный въ 1738 г. бывшимъ уніатскимъ настоятелемъ сего монастыря Игнатіемъ Кульчинскимъ. По мнѣнію Кульчинскаго, Коложанская церковь основана около 1200 года, что̀ весьма правдоподобно, и будто бы по плану сходна съ полоцкимъ Софійскимъ соборомъ. Провѣрить послѣднее показаніе въ настоящее время невозможно, такъ какъ древній полоцкій Софійскій соборъ не сохранился до нашего времени. Но съ древними полоцкими церквами Спасскою Евфросиніевскою и Борисоглѣбскою, насколько можно судить о послѣдней по ея развалинамъ, Коложанская церковь имѣетъ нѣкоторое сходство. Изъ того же инвентаря Кульчинскаго видно, что еще въ 1738 году теченіемъ Нѣмана подмывало берегъ Коложи и грозило опасностью монастырю.

Затѣмъ, въ остальныхъ пунктахъ Гродно не представляетъ интереса въ историко-археологическомъ отношеніи. Можно отмѣтить развѣ то, что въ музеѣ при историко-статистическомъ комитетѣ хранятся кремневое долото и каменный топорикъ изъ окрестностей Другскеникъ и шлемъ и кольчуга. Въ городѣ до сихъ поръ видны мѣстами слѣды громаднаго пожара, истребившаго въ 1885 году до 630 домовъ.

Изъ Гродна я уѣзжалъ съ однимъ господиномъ, повидимому врачемъ, который пріѣзжалъ искать наслѣдства покойнаго брата своего, бывшаго гродненскаго городскаго головы. Этотъ русскій общественный дѣятель, стоя во главѣ городскаго управленія, женатъ былъ на полькѣ и своимъ авторитетомъ и вліяніемъ содѣйствовалъ проти-

возаконной покупкѣ поляками населенныхъ имѣній въ гродненской губерніи. Купчія обыкновенно совершались на имя городскаго головы, который дѣйствительнымъ покупщикамъ полякамъ выдавалъ векселя на сумму, равную стоимости имѣнія. Такимъ образомъ фиктивное имущество городскаго головы, заключавшееся въ помѣстьяхъ, возросло до 500,000 р. и на такую же сумму выдано имъ векселей дѣйствительнымъ владѣльцамъ имѣній. При такихъ обстоятельствахъ, внезапно умираетъ отъ разрыва сердца городской голова, не устроивши своихъ дѣлъ. Надъ имѣніями его учреждена опека, которая требуетъ отъ жены покойнаго отчетности въ доходахъ по имѣніямъ, а между тѣмъ имѣніями этими завѣдываютъ дѣйствительные ихъ владѣльцы и мнимые кредиторы бывшаго головы. Вѣроятно, вдовѣ бывшаго головы придется поплатиться и собственнымъ имуществомъ ея мужа за обходъ имъ закона.

IV.

Почти весь день 29 іюля я употребилъ на переѣздъ изъ Гродна въ Ковно, особенно благодаря продолжительной остановкѣ въ Ландваровѣ. Мѣстность по пути—возвышенная, волнистая; почва плодороднѣе, чѣмъ въ минской губерніи.

Въ 7-ми верстахъ передъ Ковно находится, въ прекрасной, лѣсистой мѣстности, Пожайскій монастырь, основанный во второй половинѣ XVII вѣка извѣстнымъ канцлеромъ литовскимъ Пацемъ для католическихъ монаховъ камальдуловъ. Тутъ же, въ виду монастыря, мнѣ привелось услышать отъ одного ковенскаго старожила и преданіе объ основателѣ монастыря. Этотъ Пацъ,—говоритъ преданіе,—былъ весьма гордый человѣкъ и большой чудакъ. Ни одной дѣвицы въ мірѣ онъ не находилъ достойною своей руки и потому женился на родной своей сестрѣ, какъ равной ему по происхожденію. За такое кровосмѣшеніе папа наложилъ на него полное отлученіе, такъ что никто не долженъ былъ услуживать ему, ни подавать хлѣба, ни воды. Отлученный отъ человѣческаго сообщества, гордый вельможа долженъ былъ смириться передъ папою, испросилъ у него въ Римѣ прощеніе своему грѣху и построилъ Пожайскій камальдульскій кляшторъ, стоившій ему до 8 милліоновъ злотыхъ. Въ 1840 году церковь обращена въ православную. Нынѣ здѣсь, въ прежнихъ зданіяхъ католическаго монастыря, находятся православный мужской Успенскій монастырь и резиденція ковенскаго епископа, викарія литовской епархіи, который и управляетъ монастыремъ.

Городъ Ковно расположенъ въ углу, образуемомъ сліяніемъ рѣкъ Нѣмана и Виліи, и со всѣхъ сторонъ окруженъ горами, идущими по берегамъ этихъ рѣкъ. Желѣзная дорога подходитъ къ Ковно черезъ тоннель, длиною въ 600 саженъ для двухъ путей. Въ настоящее время производятся работы по укрѣпленію Ковно.

Источниками для исторіи Ковно и ковенской губерніи служатъ: «Описаніе ковенской губерніи» полковника Аѳанасьева, С.-Петербургъ, 1861 г.; брошюра о Сурдегскомъ монастырѣ, вилькомирскаго уѣзда; третій томъ «Живописной Россіи»; памятныя книжки ковенской губерніи съ 1862 года. Къ сожалѣнію, послѣднія за нѣкоторые годы представляютъ библіографическую рѣдкость. Въ нихъ, между прочимъ, помѣщены были слѣдующія статьи: «Краткій взглядъ на исторію той части Литвы, которая нынѣ составляетъ ковенскую губернію» И. Прекера, за 1862 г., и «Указатель матеріаловъ для изученія сѣверо-западнаго края» П. Черневскаго, за 1882 годъ. Кромѣ того, въ настоящемъ году, къ проѣзду великаго князя Владиміра Александровича, составлена и издана была историческая записка о ковенской губерніи.

Въ Ковно въ настоящее время считается жителей до 50,000 человѣкъ, изъ коихъ евреевъ считается до 25,000 человѣкъ. Населеніе губерніи состоитъ преимущественно изъ литвы и жмуди, и только въ видѣ оазисовъ, преимущественно въ сѣверо-восточныхъ уѣздахъ губерніи, попадаются древнія русскія поселенія, храмы и монастыри. Это—или отдаленные отпрыски русской колонизаціи, или же, вѣрнѣе, остатки древняго русскаго поселенія въ странѣ, оттѣсненнаго потомъ жмудью и литвою. Кромѣ Сурдегскаго монастыря, существующаго и доселѣ, въ ковенской губерніи были древніе русскіе православные монастыри и храмы въ Кроні, Оникштахъ, Подубисѣ и др. Свѣдѣнія о нихъ, по словамъ протоіерея виленскаго Пречистенскаго собора І. Котовича, находятся въ архивѣ литовской духовной консисторіи. Въ самомъ Ковно въ XVII вѣкѣ упоминается одинъ православный храмъ. Въ настоящее время здѣсь три православныхъ храма, но всѣ они обращены изъ католическихъ костеловъ и кляшторовъ.

Изъ достопримѣчательностей Ковна первое мѣсто занимаютъ остатки древняго ковенскаго замка, вѣроятно построеннаго литовскими князьями для защиты отъ ливонскихъ рыцарей. Замокъ расположенъ на лѣвомъ берегу Виліи, недалеко отъ впаденія ея въ Нѣманъ. Въ настоящее время уцѣлѣла отъ него часть круглой башни, съ выѣздными воротами и амбразурами, и двѣ примыкающія къ ней стѣны. Башня и стѣны сложены изъ дикихъ камней и крупнаго краснаго

кирпича. Другія части уцѣлѣвшаго замка застроены еврейскими хатами. Фотографическій видъ башни и примыкающихъ къ ней стѣнъ можно получить въ мѣстной фотографіи В. Е. Заторскаго, на улицѣ «Новый Планъ». Слѣдовало бы издать этотъ видъ. Лѣтъ 10 или больше тому назадъ, по разсказу старожиловъ, одинъ солдатъ изъ Риги выпросилъ у начальства разрѣшеніе произвесть въ замкѣ раскопки, съ цѣлію отысканія клада, и открылъ подъ замкомъ обширныя галлереи съ желѣзными дверями, спускающіяся къ Вилію.

Есть въ Ковнѣ и другая древняя крѣпость, о которой, кажется, не знаютъ и сами жители Ковно. Она почти цѣликомъ вошла въ составъ нынѣшняго городскаго сада, на берегу Нѣмана, и считается у мѣстныхъ жителей за упраздненное городское кладбище, но боевыя башни и амбразуры въ стѣнахъ ясно указываетъ на первоначальное стратегическое ея значеніе.

Кромѣ остатковъ старыхъ укрѣпленій, я осмотрѣлъ въ Ковно нынѣшній театръ, передѣланный будто бы изъ храма Перкуна, бывшую городскую ратушу, или большой дворецъ, и римско-католическіе костелы — Петропавловскій каѳедральный, основанный, какъ полагаютъ, въ началѣ XV вѣка, костелъ католической семинаріи, кармелитскій клишторъ съ недавно открытыми въ немъ фресками и старую еврейскую синагогу.

Особенность старинныхъ ковенскихъ построекъ та, что онѣ большею частію не покрыты штукатуркою и даютъ возможность наблюдать величину и кладку кирпича. Поэтому только въ Ковнѣ явилась у меня мысль дѣлать измѣренія величины кирпичей въ старинныхъ зданіяхъ, чтобы вывести отсюда какое либо заключеніе о сравнительной ихъ древности и времени постройки. До сихъ поръ только квадратный тонкій кирпичъ, съ толстыми слоями извести или цемента, считался характеристическимъ признакомъ древнихъ построекъ византійскаго типа по XII вѣкъ включительно. Но хронологія удлиненныхъ кирпичей западно-европейскаго типа доселѣ неустановлена или, по крайней мѣрѣ, намъ неизвѣстна. Одну изъ древнѣйшихъ построекъ въ этомъ родѣ, т. е. съ удлиненными кирпичами, представляетъ башня въ Каменцѣ-Литовскомъ XIII вѣка, сложенная изъ дикаго камня и кирпичей. Къ сожалѣнію, величина послѣднихъ въ этой башнѣ намъ неизвѣстна. Въ ковенскихъ же древнихъ постройкахъ величина кирпича слѣдующая. Въ остаткахъ древняго литовскаго замка при сліяніи Вилія съ Нѣманомъ длина кирпича 5 вершковъ, а ширина и толщина около 2 вершковъ. Такой же приблизи-

тельно величины кирпичъ впослѣдствіи мы нашли въ витебской единовѣрческой Благовѣщенской церкви, основанной въ XIV вѣкѣ, но съ тѣмъ небольшимъ отличіемъ въ измѣреніи, что въ витебской церкви кирпичъ немного толще вершка. Поэтому постройку ковенскаго литовскаго замка при сліяніи Вилін съ Нѣманомъ приблизительно можно бы отнесть къ XIII—XIV вв. Нѣсколько меньше кирпичи въ другой ковенской крѣпости при Нѣманѣ и въ ковенскомъ каѳедральномъ римско-католическомъ костелѣ, именно длиною въ $4^1/_2$ вершка и толщиною около $1^1/_2$ вершка. А такъ какъ ковенскій каѳедральный римско-католическій костелъ относятъ къ началу XV столѣтія, то указанная величина его кирпича могла бы служить характеристическимъ признакомъ XV вѣка. Въ постройкахъ XVIII вѣка обыкновенно встрѣчается кирпичъ въ 4 вершка длиною и въ 1 вершокъ толщиною, какъ, напр., въ полоцкомъ Софійскомъ соборѣ половины XVIII вѣка. Такимъ образомъ общій, основной законъ постепеннаго видоизмѣненія формы удлиненныхъ кирпичей въ древнихъ зданіяхъ состоялъ бы въ постепенномъ уменьшеніи величины кирпичей, конечно, съ цѣлію сообщенія большей эластичности и легкости постройкамъ.

V.

Изъ Ковна я возвратился въ Вильну и, покончивъ здѣсь свои занятія, 1 августа отправился въ дальнѣйшій путь на Динабургъ. Здѣсь я не останавливался, но впослѣдствіи времени мнѣ привелось видѣть фотографическій видъ древняго динабургскаго нѣмецкаго замка, служившаго передовымъ постомъ въ наступательномъ движеніи нѣмецкихъ рыцарей на Русь и Литву. Изъ Динабурга—руксй подать до Риги, и мнѣ захотѣлось хоть однимъ глазкомъ взлянуть на страну нашихъ нѣмецкихъ культуртрегеровъ. Почва въ курляндской губерніи, по дорогѣ въ Ригу, сама по себѣ не представляется плодородною и немного развѣ лучше почвы минской губерніи, но воздѣлывается несравненно лучше: часто попадаются канавки и каналы для осушенія низменной, мокрой почвы; удобреніе земли—хорошее, раціональное; проселочныя дороги—исправныя. Въ вагонахъ преобладающимъ населеніемъ все болѣе и болѣе становятся нѣмцы, среди которыхъ невольно чувствуешь себя какъ бы случайнымъ, нежеланнымъ ихъ гостемъ. Даже мѣстные евреи, по закону приспособленія, принимаютъ здѣсь нѣмецкій оттѣнокъ и говорятъ довольно чистымъ нѣмецкимъ языкомъ, такъ что одну спутницу, цивилизованную еврейку, я при-

нялъ по ошибкѣ за нѣмку. Моя ошибка польстила спутницѣ и развязала у ней языкъ. Стоитъ объ этомъ разсказать.

Въ одномъ вагонѣ съ нами ѣхало трое пьяныхъ нѣмцевъ. Не смотря на безобразіе ихъ поведенія и приставанія къ другимъ пассажирамъ, пьяные нѣмцы все таки безпрепятственно доѣхали до мѣста своего назначенія, хотя на обратномъ пути изъ Риги, по просьбѣ пассажировъ, высаженъ былъ одинъ пьяненькій русскій мѣщанинъ на ближайшей станціи. На нелестное замѣчаніе моей спутницы о безобразіяхъ пьяныхъ нѣмцевъ, я отвѣтилъ ей, что, вѣдь, это—ея соотечественники. Но, къ удивленію моему, спутница отреклась отъ нѣмцевъ, какъ своихъ соотечественниковъ, и показала мнѣ выданный ей изъ полиціи видъ, въ которомъ значилось, что она—жена нѣмца протестанта, но сама *іудейскаго вѣроисповѣданія*. Первый мужъ ея былъ еврей, который далъ ей разводъ, послѣ чего она вышла замужъ за нѣмца провизора, удержавъ свое вѣроисповѣданіе, но обязавшись воспитывать дѣтей отъ новаго брака въ протестантскомъ исповѣданіи. Новый мужъ оказался ревнивцемъ, пьяницею и драчуномъ; а между тѣмъ прежній мужъ еврей снова приглашаетъ ее къ себѣ, обѣщая развестись съ наличной своей женой. Моя спутница, по ея собственному выраженію, думаетъ «возвратить прежнее свое счастіе», т. е. вернуться къ первому своему мужу, оставивъ втораго, и въ оправданіе свое ссылалась на то, что всякое животное, даже клопъ, хочетъ жить и не желаетъ умереть. «Попробуйте,—совѣтовала она мнѣ,—тронуть булавкою клопа: онъ непремѣнно побѣжитъ отъ булавки; слѣдовательно не хочетъ умирать, а хочетъ жить». Напрасно я старался увѣрить мою словоохотливую спутницу, что я лично не знакомъ съ клопами, такъ какъ въ моей квартирѣ ихъ нѣтъ: она не повѣрила мнѣ и настойчиво предлагала сдѣлать рекомендуемый ею опытъ.

Въ Ригѣ я съѣздилъ на взморье, осмотрѣлъ старый городъ съ его древнѣйшими постройками и хотѣлъ побывать въ мѣстномъ музеѣ; но онъ оказался закрытымъ, хотя я былъ въ положенное для осмотра музея время.

3-го августа изъ Риги я направился прямо въ Полоцкъ. Дорогою не представилось мнѣ ничего замѣчательнаго. Можно отмѣтить только разговоръ одного петербуржца съ полоцкимъ евреемъ по поводу мѣропріятій нижегородскаго биржеваго комитета къ ограниченію наплыва евреевъ на нижегородскую ярмарку. Прочитавъ газетную замѣтку объ этомъ, еврей грустно улыбнулся и замѣтилъ, что, хотя

между евреями дѣйствительно есть много нехорошихъ людей, но не всѣ же они—негодные люди, и что слѣдовало бы евреямъ дать извѣстныя права и возможность заработковъ. Если кошка стащитъ изъ горшка кусокъ мяса,—пояснилъ еврей,—то виновата въ томъ хозяйка, почему она не накормила кошки. На это петербуржецъ замѣтилъ, что бываютъ блудливыя кошки, которыхъ сколько ни корми, а не отучишь отъ блудливости.

День 4 августа я употребилъ на осмотръ Полоцка и его достопримѣчательностей. Въ Полоцкѣ два собора—Николаевскій изъ поіезуитскаго костела и приписной къ нему Софійскій, Богоявленскій мужской монастырь, женскій Спасскій Евфросиніевскій монастырь и приписной къ нему Борисоглѣбскій, и церкви Богословская на берегу Двины и единовѣрческая. Изъ учебныхъ заведеній въ городѣ находятся: кадетскій корпусъ, учительская семинарія и духовное училище. Всѣ они помѣщаются въ поіезуитскихъ зданіяхъ, составлявшихъ нѣкогда какъ бы особый городъ.

Отъ Николаевскаго поіезуитскаго собора не ожидалъ я никакихъ древностей и достопримѣчательностей и потому не былъ въ немъ. Впослѣдствіи времени я слышалъ, будто бы въ этомъ соборѣ сохранилось олицетворенное изображеніе Польши, благословляемой на мятежъ противъ Россіи. Трудно, впрочемъ, повѣрить, чтобы изображеніе было современно какому либо изъ польскихъ мятежей.

Софійскій полоцкій соборъ, находящійся въ верхнемъ замкѣ, при рѣкѣ, въ настоящемъ видѣ построенъ около половины XVIII в., и планъ его имѣетъ форму креста. Въ лѣвомъ отъ входа концѣ этого креста указываютъ мѣсто, гдѣ первоначально спасалась преп. Евфросинія Полоцкая. Говорятъ, что здѣсь сохранилась и вошла въ новую стѣну часть древней стѣны Софійскаго собора. Въ самомъ храмѣ обращаетъ на себя вниманіе только икона Богоматери съ Богомладенцемъ; но «лузги» въ глазахъ той и другаго показываютъ, что икона уже подновлена въ западно-европейскомъ стилѣ, въ концѣ XVII или въ началѣ XVIII вѣка. Живущій при этомъ соборѣ псаломщикъ передавалъ мнѣ, что въ ризницѣ собора хранится рукописная лѣтопись его и рукописное евангеліе.

Въ полоцкомъ Богоявленскомъ мужскомъ монастырѣ, откуда приглашенъ былъ въ Москву извѣстный ученый XVII вѣка Симеонъ Полоцкій, въ настоящее время тоже нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ иконы Богородицы, которая, по внѣшнему виду, можетъ быть отнесена къ концу XVI или къ началу XVII вѣка.

Важнѣйшую же достопримѣчательность и святыню Полоцка составляетъ Спасо-Евфросиніевскій женскій монастырь Въ этомъ монастырѣ доселѣ сохранилась древняя церковь XII вѣка, за исключеніемъ купола и сводовъ, построенная преподобною Евфросиніей Полоцкою. Стѣны храма сложены изъ квадратныхъ кирпичей, помостъ передъ дверьми храма сдѣланъ изъ квадратныхъ тесаныхъ камней, составлявшихъ нѣкогда полъ самой церкви. Церковь весьма мала и можетъ вмѣщать въ себѣ только до 50 богомольцевъ. Восточная часть ея состоитъ изъ трехъ абсидовъ, изъ коихъ въ среднемъ только находится престолъ; боковые же абсиды, отдѣленные отъ средняго капитальными стѣнами, весьма узки и служатъ только предалтаріями. Своды храма поддерживаются четырьмя массивными кирпичными колоннами. Въ западной стѣнѣ церкви устроена лѣстница, ведущая на хоры. По обѣимъ сторонамъ хоръ помѣщаются двѣ небольшія крестообразныя келіи, изъ коихъ въ одной подвизалась преподобная Евфросинія, а въ другой—сестра ея Евдокія. Въ келіи преп. Евфросиніи въ настоящее время хранится устроенный ею въ 1161 году драгоцѣнный крестъ, съ заключающимися въ немъ святынями изъ Константинополя и Іерусалима. Онъ имѣетъ шестиконечную форму. Длина его $11^3/_8$ вершка, верхній поперечникъ (титло) 3 вершка, нижній $4^5/_8$ вершка. Содержащіяся въ немъ святыни обозначены славянскими надписями. Весь крестъ обложенъ золотыми и серебряными вызолоченными листами, на которыхъ находится множество украшеній и 20 маленькихъ медальоновъ съ изображеніями святыхъ, изъ коихъ одинъ утраченъ. На одной сторонѣ креста уцѣлѣли изображенія Іисуса Христа, Богоматери и Предтечи, архангеловъ Михаила и Гавріила, евангелистовъ Іоанна, Матѳея, Луки и Марка, св. Евфросиніи, великомученика Георгія и св. Софіи; на другой—Іоанна Хризостома, Василія (св. Григорія не сохранилось), апостоловъ Петра и Павла, первомученика Стефана, св. Димитрія и св. Пантелеимона. Въ боковой надписи, начертанной вокругъ всего креста на серебряныхъ вызолоченыхъ дощечкахъ, изображена воля св. Евфросиніи, чтобы крестъ сей, положенный ею въ монастырѣ въ церковь св. Спаса, оставался въ ней навсегда и никѣмъ не былъ отъ ней отчуждаемъ подъ опасеніемъ подвергнуться проклятію. Весь крестъ по краямъ унизанъ былъ жемчугомъ, который въ теченіе вѣковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ осыпался. На лицевой сторонѣ креста находится 8 большихъ дорогихъ камней и столько же меньшихъ, расположенныхъ по угламъ маленькихъ крестовъ, лежащихъ надъ частями чест-

наго древа. На оборотной сторонѣ креста, въ самомъ низу, подъ образомъ св. Пантелеймона и вокругъ части его мощей, вырѣзана еще слѣдующая надпись мелкими буквами: «Ги помози рабоу своему Лазорю нареченому Богъми сълѣлавшемоу крьстъ сии црькви стаго Спаса и Офросиньи».

Изъ печатныхъ описаній креста преп. Евфросиніи Полоцкой нельзя было опредѣлить способа производства сдѣланныхъ на немъ священныхъ изображеній въ медальонахъ. Но при взглядѣ на самый крестъ ясно открывается, что изображенія въ медальонахъ принадлежатъ къ такъ называемымъ византійскимъ перегородчатымъ эмалямъ. Сущность подобныхъ высокохудожественныхъ древневизантійскихъ издѣлій состояла въ томъ, что эскизъ изображаемаго святаго обозначался тонкими золотыми или серебряными перегородками или жилками, между которыми вставлялася стекловидная соотвѣтствующихъ цвѣтовъ композиція, замѣняющая краски. Крестъ преп. Евфросиніи несомнѣнно носитъ на себѣ печать XII вѣка и долженъ занять почетнѣйшее мѣсто между драгоцѣннѣйшими древневизантійскими перегородчатыми эмалями. Значеніе его еще болѣе возвышается отъ того, что онъ носитъ на себѣ всѣ признаки славяно-русскаго происхожденія своего и слѣдовательно служитъ свидѣтелемъ и показателемъ высоко-художественнаго развитія русскаго народа, какого онъ достигнулъ въ XII вѣкѣ подъ вліяніемъ Византіи. Что крестъ сдѣланъ русскимъ славяниномъ, это видно какъ изъ славянскихъ и неправильныхъ греческихъ надписаній надъ святынями и изображеніями его, такъ и изъ подписи мастера Лазаря Богши. По словамъ витебскаго ученаго А. Сапунова, фамилія Богши есть мѣстная бѣлорусская фамилія.

Кромѣ креста, въ полоцкой Спасо-Евфросиніевской церкви уцѣлѣли еще древнія фресковыя стѣнныя изображенія и сравнительно позднѣйшая икона преп. Евфросиніи Полоцкой. Къ сожалѣнію, фрески неумѣло реставрированы въ настоящемъ вѣкѣ. На западной стѣнѣ храма изображены отдѣльныя сцены страшнаго суда, а именно: Господь Вседержитель на престолѣ съ предстоящими Богоматерью и Предтечей, а по сторонамъ его—съ одной стороны родъ жидовскій съ Моисеемъ во главѣ, а съ другой—лики праведныхъ, предводимые, повидимому, апостоломъ Петромъ. На сводахъ противолежащихъ колоннъ видны трубящіе ангелы. Въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, изображенъ Господь Вседержитель, закрываемый отъ молящихся позднѣйшимъ иконостасомъ. Что же касается иконы преп. Евфросиніи

Полоцкой, то она, повидимому, тоже подновлена, и потому трудно судить о времени ея происхожденія. Внизу, на фонѣ иконы, какъ бы въ перспективномъ отдаленіи, изображенъ городъ Полоцкъ съ его древнѣйшими церквами, между которыми нужно предполагать Софійскій соборъ, Спасо-Евфросиніевскій и Борисоглѣбскій монастыри.

Въ полоцкомъ Спасо-Евфросиніевскомъ монастырѣ была еще одна замѣчательная святыня, это Ефесская икона Богоматери, по преданію писанная евангелистомъ Лукою и испрошенная преп. Евфросиніею у греческаго императора Мануила и константинопольскаго патріарха Луки Хрисоверга въ благословеніе своей полоцкой обители. Въ настоящее время икона эта находится въ г. Торопцѣ, псковской губерніи, въ соборной Воскресенской церкви, и извѣстна подъ именемъ Корсунской. Перенесена она изъ Спасо-Евфросиніевской обители въ Торопецъ въ 1239 году по случаю бракосочетанія благовѣрнаго князя Александра Невскаго съ дочерью полоцкаго князя Брячислава.

Къ Спасо-Евфросиніевскому монастырю приписанъ Борисоглѣбскій полоцкій женскій монастырь. Въ оградѣ его и до сихъ поръ сохраняются остатки древней Борисоглѣбской церкви, основанной въ XII вѣкѣ полоцкимъ княземъ Борисомъ Всеславичемъ († 1128 г.). Кирпичи—квадратные. Храмъ былъ небольшой, съ четырьмя массивными колоннами внутри и съ однимъ алтарнымъ полукружіемъ.

Н. Петровъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Документы, Извѣстія и Замѣтки.

Изъ путешествія въ сѣверо-западный край [1]).

VI.

4-го августа ночью я былъ уже въ Витебскѣ, а на другой день утромъ зашелъ въ мѣстный статистическій комитетъ и затѣмъ представился витебскому губернатору кн. Долгорукову, который принялъ меня весьма любезно, сдѣлалъ распоряженіе о выдачѣ мнѣ XVII выпусковъ «Историко-юридическихъ матеріаловъ изъ актовыхъ книгъ витебской и могилевской губерній», нѣсколькихъ памятныхъ книжекъ витебской губерніи на разные годы, «Памятной книжки виленскаго генералъ-губернаторства» Сементовскаго 1869 года и нѣкоторыхъ другихъ мѣстныхъ изданій, и предоставилъ мнѣ всѣ средства къ обозрѣнію Витебска и его достопримѣчательностей. Непосредственнымъ руководителемъ моимъ при обозрѣніи Витебска былъ редакторъ мѣстныхъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Сафоновъ, вмѣстѣ съ которымъ мы осмотрѣли Успенскій и Николаевскій соборы, единовѣрческую Благовѣщенскую церковь, бывшій фарный костелъ, въ которомъ помѣщается теперь центральный архивъ древнихъ актовъ витебской и могилевской губерній, задвинскую Ильинскую церковь на урочищѣ «Русь» и загородный Марковъ монастырь.

Въ обоихъ витебскихъ соборахъ я не нашелъ ничего замѣчательнаго. Говорятъ, что въ витебскомъ Николаевскомъ соборѣ хранилась рука Іосафата Кунцевича, перенесенная сюда изъ Николаевскаго полоцкаго собора, и его архіерейскій жезлъ. Теперь ихъ нѣтъ въ этомъ соборѣ или, по крайней мѣрѣ, ихъ не показываютъ.

---

[1]) См. „Кіевск. Старина“ 1889 г., № 3, мартъ.

Самою древнею церковью въ Витебскѣ считается единовѣрческая Благовѣщенская, основанная въ XIV вѣка. Кирпичъ въ ней длиною въ пять вершковъ, а толщиною въ 1 вершокъ съ небольшимъ. Помостъ предъ дверьми храма состоитъ изъ шиферныхъ камней. Алтаремъ она обращена на востокъ; въ храмѣ—четыре кирпичныя колонны, поддерживающія сводъ храма и куполъ. Иконы большею частію сѣверноруссскихъ писемъ, но на хорахъ, между бракованными иконами, есть иконы мѣстнаго письма вѣка XVII.

Упраздненный фарный Троицкій костелъ былъ самымъ древнимъ римско-католическимъ костеломъ въ Витебскѣ. Уже въ 1503 году король Александръ подтверждалъ привилегіи этому костелу, основанному и обезпеченному его предками, великими князьями литовскими, какъ это видно изъ документовъ этого костела, хранящихся въ библіотекѣ барона Шодуара, въ мѣстечкѣ Ивницѣ, житомирскаго уѣзда. Когда собственно построено сохранившееся доселѣ зданіе костела, намъ не извѣстно. Кирпичи длиною въ $4^1/_2$ вершка, а толщиною въ 1 вершокъ.

Доселѣ существующая въ Витебскѣ деревянная Ильинская задвинская церковь на урочищѣ «Русь» построена въ 1643 году Запольскимъ. Кромѣ главнаго алтаря, она имѣетъ два боковые. Въ иконостасахъ сохранилось много иконъ, современныхъ построенію храма или, по крайней мѣрѣ, относящихся къ XVII вѣку; но есть иконы и позднѣйшаго времени, напримѣръ двѣ намѣстныя иконы въ главномъ иконостасѣ, относящіяся приблизительно къ 1777 году. Изъ другихъ иконъ замѣчательны: икона покрова пресв. Богородицы, съ изображеніемъ внизу папъ, польскихъ королей и вельможъ, въ лѣвомъ отъ входа придѣлѣ, и Іосафата Кунцевича съ вонзенной въ голову сѣкирой—въ правомъ придѣлѣ. Нужно замѣтить, что эта церковь построена уже уніатами и для уніатскихъ прихожанъ церкви. Фундаментъ и подвалы подъ церковью сдѣланы изъ кирпича, который длиною въ $4^1/_2$ вершка и толщиною въ 1 вершокъ $\frac{1}{4}$ небольшимъ.

Загородный Марковъ монастырь былъ въ XVII и XVIII вѣкахъ одною изъ сильнѣйшихъ твердынь православія для Витебска и окрестныхъ жителей. Старѣйшая монастырская деревянная церковь построена Огинскимъ въ 1690 году и почти неизмѣнно сохранилась въ томъ видѣ, въ какомъ была построена. Иконы въ иконостасѣ и стѣнная живопись современны построенію самаго храма. На стѣнахъ внизу изображены событія изъ евангельской исторіи, а вверху—апокалипсическіе предметы, но тѣ и другіе—въ православномъ духѣ.

Послѣднюю оговорку дѣлаемъ въ виду высказаннаго теперешнимъ настоятелемъ монастыря мнѣнія, будто бы стѣнопись этой церкви—католическая и требуетъ передѣлки въ православномъ духѣ и вкусѣ. Въ церкви есть проповѣдническій амбонъ и въ алтарѣ—киворій, или сѣнь надъ престоломъ. Какъ амбонъ, такъ и киворій, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ составляли принадлежность древнихъ византійскихъ и русскихъ церквей и потому тоже не могутъ быть признаны характеристическими особенностями католическихъ и уніатскихъ храмовъ. Къ счастію мѣстная администрація, духовная и свѣтская, хорошо понимаетъ значеніе мѣстныхъ православныхъ святынь и, какъ я имѣю основаніе думать, не допуститъ существеннаго измѣненія въ устройствѣ и стѣнописи древняго храма Маркова монастыря. Въ дополненіе къ сказанному о семъ монастырѣ нужно прибавить еще, что въ немъ находится казанская икона Богоматери,—даръ царя Алексѣя Михайловича и патріарха Никона.

Въ витебской духовной семинаріи достопочтенный ректоръ ея протоіерей І. Ничета показывалъ мнѣ портретную галлерею, въ которой находятся портреты слѣдующихъ уніатскихъ и католическихъ епископовъ: 1) Терлецкаго Меѳодія; 2) Левицкаго; 3) Стефана Левинскаго; 4) Смогоржевскаго; 5) Бѣлянскаго; 6) Цецишевскаго; 7) Скородынскаго; 8) Лисовскаго; 9) Ангелловича; 10) Кохановича; 11) Василія Лужинскаго, и нѣсколькихъ архимандритовъ, ректоровъ витебской семинаріи.

6 августа, пользуясь праздничнымъ днемъ, я обошелъ, вмѣстѣ съ мѣстнымъ изслѣдователемъ г. Сементовскимъ, нѣсколько православныхъ храмовъ и католическихъ костеловъ и видѣлъ нѣчто противоположное тому, что́ наблюдалъ въ Вильнѣ. Витебскія православныя церкви полны были молящихся, между тѣмъ какъ въ польско-католическихъ костелахъ видны были только небольшія группы богомольцевъ.

Говоря о Витебскѣ, нельзя не упомянуть о мѣстныхъ труженикахъ по собиранію матеріала и разработкѣ мѣстной исторіи. Почетною извѣстностію въ этомъ отношеніи пользовался въ свое время г. Сементовскій, авторъ «Памятной книжки виленскаго генералъ-губернаторства», 1869 года, и нѣсколькихъ статей по мѣстной исторіи. Въ настоящее время онъ живетъ большею частію въ своемъ имѣніи. На смѣну ему выдвигается другой, молодой еще и энергичный дѣятель, преподаватель витебской женскій гимназіи А. Сапуновъ. Онъ уже издалъ I и IV томы «Витебской Старины» и совершенно

приготовилъ къ изданію и почти напечаталъ V-й томъ этого сборника. Это изданіе представляетъ собою незамѣнимое пособіе для изученія исторіи города и края. Можно упомянуть еще редактора Витебскихъ Губернскихъ Вѣдомостей г. Сафонова, который, по самой своей должности имѣя соприкосновеніе съ мѣстной исторіей, владѣетъ небольшой коллекціей недревнихъ иконъ, между которыми обращаетъ на себя особенное вниманіе портретъ св. Димитрія Ростовскаго, писанный на холстѣ масляными красками. Это едва ли не древнѣйшій изъ всѣхъ извѣстныхъ доселѣ портретовъ св. Димитрія и можетъ быть признанъ современнымъ самому святителю Ростовскому.

VII.

7-го августа, въ воскресенье, я былъ уже въ Смоленскѣ. Смоленскъ—сравнительно небольшой городъ, имѣющій около 35,000 жителей обоего пола, но разбросанъ на холмахъ и пригоркахъ. Поэтому нигдѣ я не встрѣчалъ такой дороговизны извощиковъ, какъ въ Смоленскѣ. Но за то гористое положеніе Смоленска сообщаетъ городу красивый видъ.

Исторію Смоленска писали Мурзакевичъ и Никитинъ. Извѣстны также: «Историко-статистическое описаніе смоленской губерніи» Цебрикова, «Историко-статистическое описаніе смоленской епархіи» Трофимовскаго, справочныя и памятныя книжки смоленской губерніи за разные годы и проч. Кромѣ того, въ настоящемъ году къ проѣзду Великаго Князя Владиміра Александровича черезъ Смоленскъ, изданъ былъ смоленскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ «Краткій хронологическій очеркъ исторіи города Смоленска, его достопримѣчательности» и пр. Очеркъ составленъ преподавателемъ смоленской мужской гимназіи С. П. Писаревымъ, любителемъ и знатокомъ мѣстной исторіи.

По стеченію неблагопріятныхъ обстоятельствъ, я предоставленъ былъ, при обозрѣніи Смоленска, самому себѣ и потому осмотрѣлъ только немного, что казалось мнѣ наиболѣе интереснымъ. Конечно, не преминулъ я быть въ Успенскомъ каѳедральномъ соборѣ, отличающемся величественностію и красотою, и приложиться къ чудотворной иконѣ Богоматери, именуемой Смоленскою. Но, независимо отъ чувства благоговѣнія, икона эта оставляетъ въ наблюдателѣ-археологѣ и нѣкоторое чувство неудовлетворенности, какъ и большая часть древнихъ иконъ въ нашемъ отечествѣ. Несмотря на глубо-

чайшую древность, приписываемую сей св. иконѣ преданіемъ и возводимую къ св. евангелисту Лукѣ, икона эта не производитъ впечатлѣнія глубочайшей древности, потому что, вопервыхъ, поновлена въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ, во вторыхъ закрыта, кромѣ ликовъ Богоматери и Богомладенца, ризою. Ризница собора была недоступна моему наблюденію. Въ самомъ храмѣ обращаютъ на себя вниманіе: царскія врата затѣйливой рѣзьбы и желѣзный имшакъ и обувь св. Меркурія Смоленскаго, спасшаго городъ Смоленскъ отъ татаръ въ 1239 году. Въ соборной архіерейской усыпальницѣ хранится древняя икона св. смоленскаго князя Ѳеодора Ростиславича Чермнаго и сыновей его Давида и Константина, которую можно отнести къ XVI—XVIIв., и портреты мѣстныхъ преосвященныхъ; Гедеона Вишневскаго, Пароенія, Димитрія Устимовича и Іоанна.

Спасо-Аврааміевскій мужской монастырь былъ осмотрѣнъ мною только снаружи. По словамъ мѣстныхъ историковъ, онъ основанъ еще въ началѣ XII вѣка при смоленскомъ князѣ Ростиславѣ Мстиславичѣ; но отъ древнихъ построекъ монастыря едва ли что уцѣлѣло. На видъ всѣ зданія монастыря относятся уже къ XVIII вѣку и носятъ печать руинъ. Въ Спасо-Аврааміевскомъ же монастырѣ помѣщается и часть семинарскихъ зданій, на видъ весьма ветхихъ, вмѣсто которыхъ, впрочемъ, строится въ настоящее время обширный каменный корпусъ въ городѣ, недалеко отъ монастыря.

Архангело-Михайловская или Свирская Смоленская церковь находится вдали отъ центра города. Она построенна около 1180 года смоленскимъ княземъ Давидомъ Ростиславичемъ, была придворною церковью смоленскихъ князей и, несмотря на различныя пристройки и поновленія, говорятъ, — сохранила свой древній фасадъ. Кромѣ древней иконы Богоматери, въ этой церкви находится еще гробница умершаго въ 1197 году смоленскаго князя Давида Ростиславича, вытесанная изъ цѣльнаго бѣлаго известняка, безъ всякихъ украшеній. Гробница эта найдена въ 1833 году въ развалинахъ смоленскаго Борисоглѣбскаго монастыря на рѣчкѣ *Смядынкѣ*, при которой убитъ св. князь Глѣбъ, сынъ св. равноапостольнаго князя Владиміра.

Смоленскъ въ разныхъ мѣстахъ пересѣкается старинною кирпичною крѣпостію, построенною московскимъ правительствомъ въ самомъ концѣ XVI столѣтія. Въ одномъ мѣстѣ я измѣрялъ величину ея кирпича, который оказался длиною въ 5 вершковъ, а толщиною въ $1^1/_2$ вершка. Но это—единственное видѣнное мною во

время путешествія московское сооруженіе, въ которомъ я измѣрялъ кирпичъ, и едва ли можетъ быть сравниваемо съ соотвѣтствующими литовско-русскими и польскими постройками, осмотрѣнными мною въ сѣверо-западномъ краѣ.

Есть въ Смоленскѣ и городской историко-археологическій музей, помѣщающійся въ новомъ зданіи смоленской городской думы; но о немъ рѣдко кто знаетъ. Мнѣ сначала указали на какой то балаганъ съ восковыми фигурами, носящій однако названіе музея, и я не безъ нѣкоторыхъ усилій отыскалъ помѣщеніе городскаго музея, но проникнуть въ него все таки не могъ, хотя и былъ въ положенное для открытія музея время. По печатному объявленію, музей открывается по воскресеньямъ, съ 11-ти до 2-хъ часовъ.

VIII.

8 августа, по утру, я прибылъ въ Оршу, уѣздный городъ могилевской губерніи. Городъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Днѣпра и рѣчки Оршицы, впадающей въ Днѣпръ въ самомъ городѣ. Жителей въ городѣ къ 1880 году было свыше 5,000 обоего пола. Орша становится извѣстною предположительно въ XI и несомнѣнно въ XII вѣкахъ. Отъ древнихъ временъ сохранился доселѣ огромный земляной валъ при впаденіи р. Оршицы въ Днѣпръ, гдѣ поэтическое воображеніе Лермонтова поселило прославленнаго имъ боярина Оршу. Но кромѣ этого вала, въ Оршѣ нѣтъ ничего, относящагося къ глубокой древности. Въ церковно-археологическій музей при кіевской духовной академіи, лѣтъ 15-ть тому назадъ, пожертвовано помѣщикомъ Меленевскимъ рукописное пергаменное евангеліе XIV вѣка, выброшенное будто бы французами въ 1812 году изъ одного изъ оршанскихъ монастырей, но изъ какого именно—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, теперь нѣтъ въ Оршѣ даже и преданія о мѣстныхъ монастыряхъ и церквяхъ, восходящихъ къ XIV вѣку. Древнѣйшая изъ оршанскихъ церквей есть Ильинская деревянная. По преданію, она построена княгинею Софьею Юрьевною въ 1505 году на мѣстѣ сгорѣвшей церкви, основанной около 1460 года польскимъ королемъ Казимиромъ I въ память спасенія супруги его Елизаветы, которая, купаясь 20 іюля, въ день пророка Иліи, едва не утонула. Въ этой церкви хранится королевская грамота съ привилегіей на перевозъ черезъ Днѣпръ. Другая церковь, Рождество-Богородичная, существовала уже въ XVII вѣкѣ, и при ней въ 1661

году было православное братство, какъ это можно видѣть изъ церковныхъ документовъ. Есть еще въ Оршѣ православные соборъ и Покровскій монастырь съ духовнымъ училищемъ; но первый передѣланъ изъ тринитарскаго костела, а послѣдній, съ училищемъ, помѣщается въ зданіяхъ бывшаго базиліанскаго женскаго монастыря, основаннаго уніатскимъ митрополитомъ Антоніемъ Селявою въ 1642 г.

Въ настоящее время самую важную достопримѣчательность Орши составляютъ два загородные православные монастыря, мужской и женской, основанные въ первой половинѣ XVII вѣка. Извѣстный ревнитель православія Стеткевичъ вмѣстѣ съ женою своею, урожденною княжною Соломерецкою, основалъ въ 1623 году Богоявленскій мужской монастырь, а въ 1631 году имъ и матерью его Анною, урожденною княжною Огинскою, основанъ женскій Успенскій монастырь. Монастыри эти находятся въ полверстѣ одинъ отъ другаго за городомъ, въ направленіи къ Могилеву, на впадающей въ Днѣпръ рѣчкѣ Кутеинкѣ, отчего и носятъ названіе Кутеинскихъ.

Кутеинскій Богоявленскій мужской монастырь въ началѣ своего существованія былъ ставропигіальнымъ, именовался лаврою, имѣлъ многочисленное братство и, по свидѣтельству патріарха Никона, служилъ разсадникомъ общежитія во всей Бѣлоруссіи и Литвѣ. При монастырѣ была православная школа и типографія для печатанія книгъ. Когда въ 1654 году царь Алексѣй Михайловичъ началъ войну съ Польшею и взялъ Оршу, патріархъ Никонъ, только—что устроившій Иверскій монастырь, съ разрѣшенія царя взялъ изъ оршанской Богоявленской лавры настоятеля ея іеромонаха Іоиля Трупевича съ нѣкоторымъ числомъ братіи, чтобы устроить, при помощи ихъ, общежитіе и въ Иверскомъ монастырѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ переведена была въ Иверскій монастырь и типографія Богоявленской лавры. Построенный же Стеткевичемъ храмъ существуетъ и доселѣ. Въ этомъ храмѣ заслуживаютъ вниманія иконостасъ и стѣнная живопись XVII вѣка, и галлерея снаружи возлѣ притвора при входныхъ дверяхъ, называемая «бабинецъ», съ узкою застекленною скважиною во всю длину западной стѣны храма. Фундаментъ церкви и подвалы—каменные. Кирпичъ въ нихъ длиною въ 4 1/2 вершка, а толщиною въ 1 вершокъ. Въ настоятельскихъ келліяхъ хранится портретъ основателя монастыря Стеткевича. Въ настоящее время этотъ бѣдный монастырь получаетъ нѣкоторое пособіе (около 1500 р. въ годъ) отъ отдачи въ аренду монастырской земли для добыванія и выдѣлки извести.

Въ женскомъ Кутеинскомъ монастырѣ первоначально построена была деревянная церковь во имя Успенія пресв. Богородицы; но она вскорѣ сгорѣла, и вмѣсто нея выстроена каменная церковь съ главнымъ престоломъ во имя сошествія св. Духа. Церковь эта освящена была въ 1635 году кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилою, какъ гласитъ надпись, вдѣланная въ стѣну внутри церкви. Изъ достопримѣчательностей ея слѣдуетъ упомянуть: 1) Казанскую икону Богоматери XVII вѣка; 2) большой колоколъ—даръ царевны Наталіи Алексѣевны; 3) золотую гривну на мѣстной иконѣ Спасителя, украшенную камнями, — даръ царя Алексѣя Михайловича и 4) серебряныя ризы на мѣстныхъ иконахъ Спасителя и Богоматери, прекрасно исполненныя могилевскимъ мастеромъ Аѳанасіемъ Вовчкомъ въ 1763 и 1767 годахъ. Въ монастырѣ есть также портретъ основателя его Стеткевича.

IX.

Изъ Орши я отправился въ Могилевъ по Днѣпру на пароходѣ общества пароходства по Днѣпру и его притокамъ. Но, вслѣдствіе обмелѣнія Днѣпра, пароходъ дважды садился на мель, одинъ разъ передъ Шкловомъ, а другой—не доѣзжая верстъ трехъ до Могилева. Оба раза публика третьяго класса должна была высаживаться на берегъ, чтобы дать пароходу возможность сойти съ мели. Вслѣдствіе невольныхъ остановокъ на меляхъ, пароходу пришлось запоздать противъ назначеннаго срока часовъ на пять и придти въ Могилевъ далеко за полночь. Извощиковъ на пристани не оказалось,—и многимъ пассажирамъ пришлось или дожидаться извощиковъ, или пѣшкомъ тащиться въ городъ съ багажемъ.

Нашъ пароходъ, по пути изъ Орши къ Могилеву, проѣзжалъ мимо Копыся и Шклова. Первый — заштатный городъ горецкаго уѣзда; лежитъ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Копысь упоминается уже въ XI столѣтіи. Здѣсь умеръ въ 1059 году, возвращаясь изъ Кіева, новгородскій архіепископъ Лука Жидята. Съ парохода видны: остатки древняго землянаго вала на самомъ берегу Днѣпра; домикъ, въ которомъ жилъ императоръ Петръ I въ сѣверную войну съ Карломъ XII; деревянная евангелико-реформатская церковь, построенная, по словамъ мѣстнаго священника, Радзивиллами, вѣроятно XVI в.; римско-католическій упраздненный деревянный костелъ вѣка XVII и двѣ деревянныя церкви, изъ коихъ одна по внѣшнему виду можетъ

быть отнесена тоже къ XVII вѣку. Въ Шкловѣ же съ парохода видѣнъ только римско-католическій каменный костелъ.

Въ Могилевъ я прибылъ ночью съ 9-го на 10-е августа и пробылъ въ немъ 1½ сутки. Городъ расположенъ по обоимъ берегамъ Днѣпра и рѣчки Дубровенки, при впаденіи послѣдней въ Днѣпръ, на холмистомъ волнообразномъ мѣстоположеніи. Жителей къ 1880 году было свыше 40,000 обоего пола,

По исторіи Могилева и могилевской губерніи извѣстны: «Обозрѣніе исторіи Бѣлоруссіи съ древнихъ временъ» О. Турчиновича, С.-Петербургъ, 1857 г.; 2) «Историко-статистическое описаніе могилевской губерніи»,Безъ-Корниловича; 3) «Опытъ описанія могилевской губерніи», подъ редакціей мѣстнаго губернатора А. С. Дембовецкаго, въ трехъ большихъ томахъ. Могилевъ, 1882 и 1884 гг. Кромѣ того, въ настоящее время, по распоряженію преосвященнаго могилевскаго Сергія, собираются историко-статистическія свѣдѣнія о монастыряхъ и церквяхъ могилевской епархіи и разрабатываются преподавателемъ могилевской дух. семинаріи Пятницкимъ. Въ городѣ есть центральный архивъ судебныхъ мѣстъ, губернскій архивъ, публичная библіотека и музей. Въ послѣднемъ, кромѣ выставки сельско-хозяйственныхъ и промышленныхъ произведеній губерніи, находятся: сани Наполеона I, покинутыя имъ во время бѣгства изъ Москвы въ 1812 году; деревянная балка изъ домика Петра I въ городѣ Копыси, со слѣдующею вырѣзною надписью—«Благослови Господи домъ сей и всѣхъ живущихъ въ немъ, 1696»; императорское рѣзное золоченное кресло съ вензелемъ Екатерины II; грамота Сигизмунда III черейскому Михайло-Архангельскому костелу, 1606 г., построенному Львомъ Сапѣгою, и др.

По изслѣдованіямъ мѣстныхъ историковъ, Могилевъ на Днѣпрѣ былъ срубленъ Львомъ Юрьевичемъ, правнукомъ Даніила Романовича Галицкаго, около 1319 года, и укрѣпленъ Ягелломъ. Но изъ древнѣйшихъ временъ существованія этого города въ немъ ничего не сохранилось до настоящаго времени. Всѣ сохранившіяся старѣйшія постройки въ городѣ относятся къ XVII и XVIII вѣкамъ. Близъ самаго Могилева существовалъ Печерскій монастырь, упоминаемый подъ 1532 годомъ. Но отъ него не осталось ничего до настоящаго времени. Теперь тамъ находится архіерейскій загородный домъ съ домовою церковію.Въ самомъ Могилевѣ однимъ изъ древнѣйшихъ монастырей нужно признать Спасскій монастырь, при которомъ въ концѣ XVI вѣка существовало братство и школа языковъ: латинскаго, польскаго

и русскаго. Спасскій монастырь существуетъ и до настоящаго времени, и въ немъ находятся спасская церковь, архіерейскій домъ, консисторія и семинарія; но всѣ эти зданія построены въ XVIII в., преимущественно при преосвященномъ Георгіѣ Конисскомъ. Въ церкви находится древняя, хорошо сохранившаяся икона Богоматери, вѣроятно начала XVII вѣка, а въ ризницѣ—нѣсколько старыхъ антиминсовъ и между ними два антиминса временъ Михаила Ѳеодоровича. Въ семинарской библіотекѣ есть нѣсколько книгъ и рукописей изъ библіотеки преосвященнаго Георгія Конисскаго. Изъ рукописей можно отмѣтить слѣдующія: копіи документовъ города Могилева, начиная съ 1561 года; «Сказаніе животовъ святыхъ»,— рукопись XVII вѣка, представляющая южно-русскій переводъ «Żywotow swiętych» іезуита Петра Скарги, сдѣланный Іоанникіемъ Галятовскимъ; нѣсколько латинскихъ учебниковъ и историко-юридическихъ документовъ, переписанныхъ рукою самого Георгія Конисскаго. Кромѣ того, въ семинарской библіотекѣ была какая то рукописная лѣтопись, которая передана на время Е. В. Барсову и въ настоящее время приготовляется къ напечатанію въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей при московскомъ университетѣ».

Другой замѣчательный монастырь въ Могилевѣ—Богоявленскій братскій. Онъ основанъ въ 1620 году могилевскимъ православнымъ крестоноснымъ братствомъ на землѣ, подаренной въ 1619 году православнымъ княземъ Огинскимъ. Главный храмъ Богоявленія, начатый постройкою въ 1633 году, по окончаніи былъ торжественно освященъ въ 1636 году могилевскимъ епископомъ Сильвестромъ Коссовымъ, а чрезъ нѣсколько лѣтъ построена, иждивеніемъ братства, теплая каменная церковь во имя Іоанна Богослова, при которой въ 1669 году учреждено было особое младшее братство. При входѣ въ Богоявленскую церковь вдѣлана въ стѣну металлическая доска надъ гробомъ инока Арсенія Азаровича, умершаго въ 1652 году, съ перечисленіемъ его услугъ для храма. На лѣвой передней колоннѣ храма помѣщается чудотворная икона Богоматери, первой половины XVII вѣка, повидимому, нѣсколько подновленная. При Богоявленскомъ братствѣ была нѣкоторое время славянорусская типографія.

Изъ остальныхъ достопримѣчательностей Могилева можно упомянуть развѣ Іосифовскій каѳедральный соборъ, заложенный собственноручно императрицей Екатериной II и австрійскимъ императоромъ Іосифомъ II въ память свиданія ихъ здѣсь, въ Могилевѣ, въ 1780 году, замѣчательный живописью иконостаса.

Могилевъ былъ послѣднимъ пунктомъ остановки въ моемъ путешествіи. Мнѣ нужно было спѣшить въ Кіевъ, такъ какъ оканчивался срокъ моего отпуска. Не довѣряя аккуратности пароходнаго сообщенія по Днѣпру, я избралъ кратчайшій сухопутный путь до ближайшаго пункта желѣзной дороги Бобруйска и оттуда направился въ Кіевъ черезъ Бахмачъ.

Н. Петровъ.

Іюль—августъ 1888 г.